

Про Дюка сына Степановича

Во той во Нижной во Галицы
Есть там живет пречестная вдова
По имени Омельфа дочь Тимофеевна.
И есть у ней едино чадо —
Молодые Дюк сын Степанович,
Ему от рожденья шестнадцать лет.
Придумалось ему да приохотилось
Съездить-сходить да ко синю морю,
На те-де круты баски бережка,
На те пески желты макарьевски,
Пострелять там гусей да белых лебедей,
Серых малых утенышков.
Просил он у мамы благословленьицо —
От буйной главы да до сырой земли.
Не дает ему мать благословленьцо
Съездить-сходить да ко синю морю.
Стал тут Дюк суряжаться,
Степанович стал сподоблятися:
Берет он свой тугой лук со стрелками,
Брал он стрелоцьки калёные,
Калёные стрелоцьки, перёные:
Не простым перьём — всё орлинским,
Не простого орла — всё заморского,
Заморского орла, сизоканского.
Берет он уздилоцьку тесьменную,
Выносил седёлышко зеркальцято.
Пошел он, Дюк, на конюшен двор,
Узнал-от коня троелетоцька,
Накладывал седёлышко зеркальцято.
Скоро тут Дюк в стремена вступил,
В стремена вступил дак на коня скоцил,
Отправилса-поехал ко синю морю,
На те-де круты да баски бережка,
На те пески жолты макарьевски.
Пострелял он тут гусей, белых лебедей,

Серых малых утёнышков.
Оттудова Дюк поворот дает:
Поехал на горы на высокие,
На те на окаты на прекрасные.
Становил он своёго коня доброго,
Вынимал он трубоцьку подзорную,
Смотрел он, глядел да на все стороны:
Видать, там что ли знаменуетца —
Стольный Киев-град да оказуетца.
Придумалось ему да приохвотилось
Съездить-сходить да в стольной Киев-град,
Посмотреть там князя со княгинею,
Всех там руських богатырей.
Направил коня своего доброго
В ту сторону, куда путь лежит.
Говорил ему свой ли доброй конь,
Говорил он языком человеческим:
«Ой есь, молодые Дюк Степанович!
Не могу я нести тебя в стольной Киев-град:
Ты кормил меня травой-осотою,
Поил меня водой болотною,
Поезжай теперь назад в Нижну Галицу,
Во ту Корелу пребогатую,
Поставь меня на рэли на высокие,
Насыпь мне пшены белояровой,
Напой меня водой ключевою,
Пройдет тогда пора-времечко,
Пора-времечко — как десять дён,
Поезжай тогда на мне в стольной Киев-град:
Не будут нас держать ручьи приглубые,
Не будут нас держать речки быстрые,
Мелкие ручьи мы на шаг шагнём,
Быстрые речки мы на скок скакнём!..»
Отправился Дюк в Нижну Галицу,
Во ту Корелку пребогатую,
Ко своей ли маменьки родимой.
Привез он гусей да белых лебедей,
Серых маленьких утенышков.
Поставил коня на рели на высокие,

Насыпал пшены да белояровой,
Поил он его водой ключёвою.
Прошло поры-времечко ровно десять дён,
Говорил ему свой доброй конь,
Языком ему человеческим:
«Поезжай теперь на мне в стольной Киев-град,
Не будут нас держать ручьи приглубые,
Не будут нас держать да реки быстрые».
Не белая берёза изгибается,
Не малиновы листоцьки расстилаются —
Упадывал тут Дюк сын Степанович
К своей ли к маменьки родимой,
Просил у ей благословленьица —
От буйной главы да до сырой земли.
Не даёт ему мама благословленьица
Съездить-сходить да в стольной Киев-град,
Посмотреть там князя со княгинею,
Всех-то русскиих богатырей.
Стал тут Дюк суряжаться,
Молодые стал да сподоблятися.
Стала ему матушка наказывать,
Стала ему да наговаривать:
«Ты ой еси, мое да чадо милое!
Приедёшь-придёшь да в стольной Киев-град,
Зайдёшь ко князю да ко Владимиру,
Помолися Богу по-писаному,
Молитву сотвори да по-Исусову.
Посадят тогда да на почестен пир
Со всеми ли со руськими богатырьми,
Не пей сам много зеленá вина,
Не хвастай своим богачеством,
Не хвастай своей да золотой казной,
Не хвастай ты мною, старой маменькой».
А все тут на пиру напивалися,
Все на честном да наедалися,
Все на честном да прирасхвастались.
Говорил тут Чурилко таковы слова:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
А какое к нам пришло то за невежищо,

Всех стеснил руських богатырей,
Меня-то, Чурилка, вовсе с места сжил».
Говорит тут Дюк таковы слова:
«Не то нонче поют, не то слушают —
Сидят, гуляют да забавляются».
Говорил еще Чурило во второй након:
«Уж ты ой еси, Дюк сын Степанович!
Ударимся мы с тобой о велик заклад:
Не о ста рублей, не о тысячи —
О своей-то ли буйной головы».
Скоро тут ребята собиралися,
Берут от князя проверщиков —
Описать у нас имущество,
У которого больше окажется.
Поехали описывать у Чурила млада Пленкова,
Взяли они чернила на тысячу,
Другого взяли они на пятьсот рублей,
Описали у его все имущество.
Поехали они во Нижну Галицу
К Дюку сыну Степановичу,
Ко его ли маменьке родимой.
Говорит ли им маменька родимая:
«Приехали к нам гости незваны,
Незванные гости, нежданны,
Стали они у меня выпрашивать,
Стали они у меня описывать.
Стоят-то у нас три терема,
Три терема стоят да три высокиих,
Крыши у нас да все медляные,
Печки-муравленки каменны,
Подики у них медяные.
Калачик съешь — другой пуще хочется».
Описали они в трех высокиих теремах —
Выдержали они чернила на пятьсот рублей,
Бумаги затратили на тысячу.
Не описывали у него еще конюшен двор,
Не описывали лошадей хорошиих,
Не описывали сбрую лошадиную,
Оттуль поехали молодцы — поворот дали.

Приехали к солнышку Владимиру,
Стали они тут рассказывать.
Проверять они стали ихны записи:
У Чурила все имущество описано,
У Дюка описано только три терема
Со великиим большим богачеством,
Конюшен двор еще неописанной,
И лошади хорошие не описаны,
И сбруя лошадиная не описана.
Говорил ли Дюк тут таковы слова:
«Ой есь, солнышко Владимир-князь!
Нельзя ли у Чурила срубить голову?»
Стали тут все уговаривать:
«Во первой вины его Бог простит».
Простил он Чурила млада Пленкова,
Опять стали они сидеть-забавляться,
Пить стали много зелена вина.

*(Зап. Леонтьевым Н. П.: 20 авг. 1940 г., сел. Усть-Цильма — от Носова
Василия Прокопьевича, 75 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.